

3. Лексика

Б.И. ТАТАРИНЦЕВ

О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ УРАЛЬСКИХ И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ЛЕКСИКЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В последние годы выходит ряд работ, так или иначе затрагивающих проблему иноязычных элементов в тюркской лексике и констатирующих в ней все новые и новые заимствования или, точнее, то, что исследователи относят к таковым. Особое внимание привлекают слова, полагаемые древними заимствованиями в базисной, в частности анатомической, лексике.

К числу подобных работ принадлежат исследования алтаистов, которые считают, что заимствованные слова в достаточной мере отличимы от исконной лексики. Так, в монографии С.А. Старостина говорится: "...Тщательная процедура сравнительно-исторического анализа, как нам кажется, позволяет отделить заимствованные элементы от исконных и на основании последних воссоздать в основных чертах всю сложную и запутанную историю развития алтайской языковой семьи" [Старостин, 63].

Однако, как показывает ряд конкретных случаев, рассматриваемых в данной монографии, ее автору далеко не всегда удалось убедительно отличить иноязычные по своему происхождению общие элементы лексики алтайских языков от ее исконных составляющих, не избегнув включения первых в число вторых. Кроме того, самое понятие "исконная лексика алтайских языков" или подобное ему выглядит достаточно гипотетическим и неопределенным.

Пока что не доказано, что "сложная и запутанная история развития алтайской языковой семьи" действительно воссоздается на основе исконных слов, а не заимствований. Если бы процедура сравнительно-исторического анализа общей для "алтайских" языков лексики действительно проводилась тщательно и объективно, а не диктовалась стремлением во что бы то ни стало доказать родство этих языков между собой или не исходила из априорной уверенности в их родстве друг с другом,

то мог бы еще возникнуть вопрос, останется ли в результате анализа что-либо такое, что можно было бы считать "исконно алтайской" лексикой.

Но проблема состоит в отграничении не только заимствований от исконной лексики, но и связанных между собой вторичным родством слов (в том числе заимствований и их прототипов) от пар лексем, сближаемых на основе случайного сходства между ними. Среди так называемой "исконной лексики алтайских языков" отмечаются и подобные примеры. Для нас же существенно то, что зачастую именно элементам случайного сходства придается статус заимствований в лексике тюркских языков.

Складывается впечатление, что заимствования рассматриваются как легкий и эффектный способ этимологизации, не влекущий за собой необходимости проследивать различные и многообразные связи слов, привлекать к рассмотрению сколько-нибудь значительный материал "заимствующих" языков. Достаточным оказывается найти в других языках похожие слова или реконструировать их сходные архетипы и объяснить сами эти слова или их праформы прототипами заимствований. Нередко подобные этимологии бывают сопряжены с различными натяжками, как собственно языковыми, так и пространственно-временными (в последнем случае возникают сомнения в реальности самих контактов, приведших к предполагаемым заимствованиям в тот или иной исторический период). В подобном подходе к объяснению происхождения слова заключена определенная ущербность.

Мы считаем, что до тех пор, пока не исчерпаны возможности этимологии слов, относящихся к базисной лексике, как исконных для данного языка или группы родственных языков, прибегать к версии иноязычного происхождения подобных слов неоправданно. Во всяком случае, к выдвигению таких версий следует относиться с большей осторожностью.

Тюркская же этимология, несмотря на ее заметное развитие в последние десятилетия, еще далеко не достигла того уровня, когда возможности исконной (гenuинной) этимологии использованы достаточно полно.

Нам уже приходилось анализировать целый ряд слов, относимых к числу предполагаемых древних заимствований в тюркской лексике (в основном – из китайского и индоевропейского языков) [Татаринцев, 1993, №1, 2].

Продолжая эту тему, мы рассмотрим здесь одну из сравнительно недавних попыток установить заимствования из уральских и тунгусо-маньчжурских языков в лексике тюркских языков, предпринятых, в частности, А.В. Дыбо.

Заимствования эти в тематическом плане представляют собой анатомическую лексику, а такого рода заимствованные слова, по справедливому замечанию А.В. Дыбо, “должны ... свидетельствовать об очень интенсивных контактах” [Дыбо, 1989, с. 215] и притом, очевидно, о весьма сильном влиянии других языков на тюркские.

Оставим пока без рассмотрения вопрос о том, насколько реальны были такого рода контакты тюркских языков как с уральскими, так и в особенности с тунгусо-маньчжурскими: результатом последних являются, к примеру, представленные нашим оппонентом “заимствования из амурских ТМ (тунгусо-маньчжурских – Б.Т.) языков в тюркских языках саяно-алтайского ареала” [Дыбо, 1989, с. 213].

Сомнения в правомерности трактовки рассматриваемых А.В. Дыбо случаев как заимствований в тюркской лексике вызывают практически все предлагаемые ею сопоставления, тем более, что альтернативную (генуинную) этимологию при этом практически и не предлагают, и автор в лучшем случае ограничивается категоричными замечаниями вроде “алтайской этимологии нет”, “алтайских сопоставлений нет” [Дыбо, 1989, с. 210, 213] и подобных им.

Подобных помет недостаточно, не говоря уже о том, что сама по себе апелляция к алтайской этимологии в свете ранее сказанного нами выглядит неправомерной. Возникает, в частности, вопрос, следует ли предпочитать в подобной ситуации отсутствие достаточно гипотетической (“алтайской”) этимологии наличию вполне реальной этимологии собственно тюркской, как это делает А.В. Дыбо. Так она (хотя и под знаком вопроса) [Дыбо, 1989, с. 212] сравнивает алт. диал. *kām* ‘горсть’ (ср. также тув. *kaam* в сочетаниях типа *kaam duc* ‘соль на одну варку’) с селькупским *kaat* ‘протянутая рука’ < ур. *komzrз* ‘горсть’. В то же время тюркское *kām* (*kaam* – явно < **кагым* < *каг=ым*, где *каг=* – глагольная основа, означающая в тувинском, в частности, ‘оставлять’, ‘бросать’, ‘класть’ (например, добавку в пищу); тогда как имена, образованные от подобных основ при помощи афф. =(ы)м, образуют единицы измерения [см., в частности, Рассадин, с. 75].

А.В. Дыбо, констатируя отсутствие алтайской этимологической версии в случае с тюркским **bu/ič=kak* ‘кожа с ног животного’, даже не упоминает в целом достаточно убедительную, хотя и не вполне завер-

шенную, тюркскую его этимологию, проводимую в “Этимологическом словаре тюркских языков” Э.В. Севортяна [ЭСТЯ I, с. 283].

Можно определенно сказать, что словом **быч*=как первоначально обозначались отрезанные от шкуры животных ее части, снятые с их ног в качестве материала для меховых изделий (< *быч*=/*бич*= ‘кроить; резать’) [ЭСТЯ II, с. 158–159]. А.В. Дыбо предпочитает толковать вышеприведенное слово как предположительное заимствование из угорских языков, выводя его из угорского слова **роџа* и оформляя тюркским уменьшительным аффиксом (=k?) [Дыбо, 1989, с. 210], что и в самом деле воспринимается только как предположение, которое, к тому же, не аргументировано, а структурно-фонетические различия уральского и тюркского слов фактически не прокомментированы.

Спорным выглядит и утверждение “не этимологизируются” в случае с алтайского диалекта *кобок* ‘запястье’, киргизского *кобук* ‘болезнь пясти руки, при которой на тыльной стороне пясти появляются болезненные утолщения’, где предполагается заимствование из пратунгусо-маньчжурского **kom|b|o(r)=ki*, которому соответствуют конкретные т.-м. наименования со значениями ‘запястье, плюсна’, ‘кисть руки (тыльная сторона)’ ... и которое, в свою очередь, выше истолковывается как предположительное старое заимствование из самодийских языков [Дыбо, 1989, с. 213].

Но – ср. с приведенными словами также чаг. *коба* ‘толстый’ и ряд соответствий с основой *ком* (известное в тюркских языках чередование б~м): ног. *ком* ‘опухоль, железа’, др.т. *qotiq* ‘конский навоз’ (возможно, также *qotšij* ‘присосавшийся клещ’), кирг. *комокой* ‘утолщение наконечника копыя’ (в месте соединения с древком).

Очевидно, мы имеем дело с имитативной (имитативно-именной или имитативно-глагольной) основой *коп(б) ~ ком*, у которой варьируется также и вокализм, ср. каз. *кеп*= ‘разбухать, набухать’ и, возможно, межтюрк. *гебен ~ кебен*... ‘стог, копна; кучи листьев, сделанных на зиму в горах’ с неясной этимологией [ЭСТЯ V, с. 15] или *көбе* ‘копна, валок, ворох сена; куча, кипа’ и под. при подобной же глагольной основе [ср. ЭСТЯ V, с. 86]*.

С кругом названий утолщений, приводимых ею раньше, А.В. Дыбо связывает кет. **корах* ‘кулак’, которое она считает тюрк., но откуда, в

* Возможно, что в конечном итоге в рассматриваемом случае мы и в тунгусо-маньчжурских, и в тюркских языках имеем дело со сходными словами, связанными с разными основами, а такие основы нередко образуются самостоятельно в неродственных языках.

свою очередь, полагает заимствованными тув. *qowades*, тув.-тоф. *kofadeš* ‘кулак’ [Дыбо, 1996, с. 194], однако, в реальности такого слова в тувинском нет: в нем имеется слово *адыш* ‘ладонь, горсть’ и сочетание *кош=адыш* ‘пригоршня’. Нет соответствующего слова и в тофаларском, где наличествуют соответственно *адыш* и *көпн=адыш*. Неоднократно переходящие из одного научного труда в другой *qowades* и *kofadeš* ‘кулак’ – это своего рода “мнимые слова”, результат ошибки в записи, допущенной еще М.А. Кастреном.

В большинстве случаев различия структурно-фонетического и семантического характера между устанавливаемыми А.В. Дыбо заимствованиями и их прототипами никак не комментируются, а они оказываются более или менее значительными, что позволяет говорить о неубедительности соответствующих сопоставлений.

Так, в частности, тюрк. **satan*: чаг. *satan* ‘нога целиком’ (как разделочный термин); ‘шаг, пространство между ляжками’ и др. – выводится из пермского **sitan*: коми *citan* ‘зад, задний проход; задняя сторона некоторых предметов’ (от перм. **sit* ‘кал’ < ур. *sitta* то же) [Дыбо, 1989, с. 211]. Но здесь в тюркских языках следовало бы ожидать, скорее, **sitan* или **sitän*; неясна также природа различий лексических значений. Не следовало ли в этом случае, как и в других подобных ему, пойти прежде всего по пути внутритюркских сближений?

Похоже, что здесь нога (ноги) мыслится как нечто отделенное друг от друга, разделенное. В таком случае реально сопоставление со словами типа др.т. *sat-ya* = ‘пересекаться’ (о дорогах), *sat-ma* ‘сооружение из ветвей, устраиваемое на дереве для ночлега’, тур. *sat=ır* ‘секач, большой кухонный нож (для разделки мяса)’. Ср. также связь общетюрк. *adaq* ‘нога’ с глагольной основой **aDa=-aDi* = ‘разделяться, раздваиваться (о концах предмета)’ и под. [Кормушин, с. 5].

Возникает вопрос, не лежит ли подобная же семантическая мотивация и в основе достаточно широко распространенной в тюркских языках односложной номинации типа *кыч ~ гыч...* ‘нога, голень; зад, круп; часть ноги от колена до щиколотки’ и под., которая, по А.В. Дыбо, заимствована из пермских языков: ср. коми *кадж* ‘зад, таз, крестец; круп лошади’ и под. [Дыбо, 1989, с. 211].

Ср., однако, кирг. *кычык* ‘угол, образованный схождением двух предметов; расщелина, щель’ и *кычкаш* ‘кузнечные плоскогубцы; щипцы для углей’. В этих случаях мы имеем дело с производными от глагольной основы **кыч(ы)* = ‘сходится, образуя угол’ или ‘сходиться, сжиматься с одного конца, расходясь с другого’; ср. также каз. диал.

кыш = 'давить, жать, сжимать'. Очевидно, приводимые выше именные основы *кыч* ~ *гыч* соотносительны с указ. глагольными, и в идее обозначаемой ими части тела также лежит разделение (чередующее с соединением, схождением). Иначе говоря, и в случае *кыч*... мы имеем дело с тюрк. по происхождению словом, и здесь, в частности, не возникает необходимости в разьяснении перехода пермского =а= > тюрк. =ы= (чего, впрочем, не сделано в работе А.В. Дыбо).

Еще большие, чем в предшествующем случае, структурно-фонетические различия между "заимствованием" и его прототипом прослеживаются в случае с тув. *молдурук* (точнее – *моьлдурук*, с фарингализацией главного) и его ближайшими соответствиями в соседних тюркских языках, истолковываемыми как заимствования "из ТМ **meli*=", представленном в амурском ареале". При этом констатируется, что "рефлексы гласных закономерны", но это никак не мотивируется, не говоря уже о неясностях с различиями в структуре: А.В. Дыбо констатирует лишь, что тюркские слова не связаны с *mojnturuk* 'воротник' от *mojn* 'шея' (с. 213) и что и без этого вполне очевидно.

Вместе с тем, тюркская этимология и в этом случае представляется достаточно реальной. В частности, тув. *моьлдурук*, означающее не только 'атлант (первый шейный позвонок)', но также и 'тупой наконечник стрелы', и 'головная часть шеста для отталкивания лодки' (диул.), может быть связано с такими соответствиями в лексике тюркских языков, как каз. (диал.) *молтак* 'обрубленный, усеченный', *молак* 'куцый' или, по В.В. Радлову – 'животное со сломанным рогом', кирг. *молок кулак* 'корноухий', *молтой* = 'иметь вид обрубка, культипки', где выделяется именная (или образная) основа *мол[m]*, от которой мог быть образован глагол **молтур* = (это могла быть залоговая, каузативная форма) 'быть обрубленным, усеченным, коротким' или 'обрубать, усекаль, укорачивать'. Имя же **молтурук* – отглагольное производное, образованное при помощи продуктивного аффикса =(y)к.

Совершенно необъяснимым с фонетической точки зрения является допускаемое А.В. Дыбо превращение амурских слов типа удэгейского *гуандзига* 'лодыжка', маньчж. *ганчуха* ~ *гачуха* 'бабка (игральная)' (истолковываемых, к тому же, как китаизмы) в тюрк. слова типа *хазых*, алт. диал. *кажык* [*каьжык*] 'бабка' (в частности игральная) [Дыбо, 1989, с. 213].

Указанные тюркские слова следует сопоставить с общетюрк. *ашык* ~ *ашук* 'игральные кости (бабки)', имеющим удовлетворительную этимологию [ЭСТЯ I, с. 216–217]. Появление заднеязычного *к*=(x=) в

кажсык... обусловлено, возможно, контаминацией с другими словами, напр., с тув. *каъжылга* 'специальная катапульта для игры в бабки' < монгол. *хашилга* / *хашилага* 'предмет, служащий преградой чему-либо; дощечка для игры в бабки (в кости)' < *хаši=* 'загораживать, преграждать, огораживать'. По-видимому, тув. *каъжсык* и послужило основой для соответствий этого слова в других южнотюркских словах.

Не более обоснованными с фонетической точки зрения выглядят и звуковые переходы, устанавливаемые на основании и исключительно ради сопоставлений отдельных предполагаемых заимствований и слов, к которым они возводятся. В частности, тюрк. **(j)ilik(g)* 'костный мозг' возводится к угорскому **welš* (хант. *welə=m*, манс. *wälə=m*, венг. *velő* 'костный мозг'), "с обычным тюркским оформлением (?) именной основы". Переход *w=>j=* объясняется следующим образом: "При отсутствии в тюркской системе других глайдов, кроме *j=*, начальный *w* замещается *j*" [Дыбо, 1989, с. 210].

Чем же подтверждается закономерность такой замены? По-видимому, еще одним, сходным сопоставлением, где фигурирует тюрк. **jelke* 'плечо, загривок', которое якобы "заимствовано из рефлекса ФУ (=финно-угорского) **wolka* 'плечо'... с замещением *w > j* и опереднением вокализма" [с. 211], вызванным, опять-таки, неясными причинами.

Единичных примеров явно недостаточно, чтобы говорить о реальности замещения *w > j*, опереднении вокализма или, наоборот, придания ему заднерядного характера (как в случае со словом *молдурук*) и прочих маловероятных изменений в звуковом облике слов.

Альтернативная genuinная этимология тюрк. **jelke* (*йелке*) в существующих публикациях пока не выявлена. Предположение о том, что это производное с аффиксом *=ke*, утратившим первичное уменьшительное значение, от **йел* 'грива' [ЭСТЯ IV, с. 181; ср. также Дыбо, 1996, с. 126] не представляется убедительным.

Учитывая наличие у соответствий *йелке* в части тюркских языков значений типа 'шейная вена', 'сухожилие' (ср. также якут. *силге* анат. 'связка, связки') здесь допустимо при этимологизации исходить из мотивирующего семантического признака связи и натяжения. В таком случае, появляются основания для сопоставления данного слова с тюрк. *йеле* (*желе*), являющимся (в различных языках) названием туго натянутой веревки, служащей для привязки, а также железного ошейника, тетивы лука и подобных реалий [ЭСТЯ IV, с. 21–22].

В *йелке* и *йеле* может быть выделена глагольная основа **йел-* 'натягиваться', 'стягивать(ся)' и т.п. При этом условия гомогенными с

двумя вышеприведенными словами являются тув. (тоджинский диалект) *челек* 'брюшной пресс' (материалы З.Д. Чадамба) < *(*йелек*) и распространенное в ряде тюркских языков название короткой облегающей одежды *йелек* ('безрукавка', 'жилет', 'детская безрукавка') с неясной этимологией [ЭСТЯ V, с. 178–179].

Возможно от той же глагольной основы, в конечном счете, образовано и тюрк. (*jilic* ~ (*jilig*) 'костный мозг', которое первоначально могло иметь вид **jelik* (*jelig*) и иное значение, судя по распространенности у коррелятов данного слова семантики 'пустотные кости', 'трубчатая кость', 'берцовые кости', 'продолговатая, внутри полая кость' [ЭСТЯ IV, с. 265]. Ср. также тоф. *чилиг* 'костный мозг', 'ствол (ружья)', 'ось (телеги)' (материалы В.И. Рассадина).

Иными словами, первоначально оно обозначало реалии, характеризующиеся протяженностью (скорее всего, кости). Распространенное значение 'костный мозг' могло быть результатом метонимического переноса наименования, но, вероятно, было также обусловлено контаминацией с другой тюркской именной основой, имеющей семантику типа 'сок' и характеризующейся наличием узкого гласного *i* в первом слоге (ср. тур. *iliç* 'сок, вытекающий из побегов сосны', приводимое в соответствующей статье ЭСТЯ, где также допускается возможность смешения лексем) [ЭСТЯ IV, с. 265].

Примером звуковых переходов, изобретенных специально для мотивировки связей между предполагаемыми заимствованиями и их прототипами, является переход $n = >$ тув. $ч =$, примером чего является тюрк. **nitkä* (по Дыбо) 'затылок, загривок; шейное сухожилие' и под., каковое возводится к прасамод. **nitka* (что предполагал еще В.М. Иллич-Свитыч) [Дыбо, 1989, с. 212; Дыбо, 1996, с. 128, 187, 189]. Между тем, *йитке* ~ *читке* ~ *нитке* и под. едва ли восходит к праформе с $n =$ (скорее – с $j =$!); возможно оно родственно уже рассматривавшемуся **jelke*, но ближе к тат. диал. *йелткэ* 'плечо' [см., например, ЭСТЯ IV, с. 181], где **йелт* = – вероятная форма каузатива от *йел* = 'натягивать, стягивать'. В сочетании же *лтк* согласный $=л =$ может быть практически не произносим и подвержен элизии.

Сомнителен также случай, когда тув. *чушкуу* 'затылок' трактуется как заимствованное амурско-тунг. слово **nikçi* или, по другим данным, *чушкуу* < **juçku* = *ju* < **nikçi* (с метатезой и оформлено тюрк. афф.). При этом точное значение тунгусского слова неизвестно и оно, к тому же, относится к числу предполагаемых ранних заимствований из самод. [Дыбо, 1996, с. 189, 247–248]. Указанный переход $n > j > ç$ для тувин-

ского не характерен: напр. нач. *н=* в монголизмах либо сохраняется, либо (в более ранних случаях) выпадает, заменяясь нулем звука.

По существу тув. *чушкуу* также едва ли может быть причислено к тунгусским заимствованиям.

Для него, как и для практически всех представленных в работе А.В. Дыбо тюркских слов, может быть предложена гENUИнная этимология, однако детальное рассмотрение всех соответствующих этимологических версий увело бы нас далеко за пределы объема данной публикации.

Мы считаем, что в указанной статье за заимствования в тюркских языках приняты в большинстве случаев элементы случайного сходства слов, между которыми нет никакой реальной связи. В особенности это относится к “заимствованиям из амурских тунгусо-маньчжурских языков”. А.М. Щербак указывал, что “непосредственные контакты тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, за исключением новейшего периода, маловероятны” [Щербак, с. 8].

Исходя из публикаций А.В. Дыбо, сложно как-либо датировать постулируемые ею языковые контакты тунгусо-маньчжурского населения Амура и тюркоязычных народов Южной Сибири. Судя по тому, что отдельные установленные А.В. Дыбо “заимствования” из указанных тунгусо-маньчжурских языков, в свою очередь, были, как считает она, заимствованы последними из третьих языков, например, из самодийских и из китайского, речь, кажется, не идет о значительной древности этих иноязычных элементов в лексике южносибирских тюркских языков.

Однако, поздние интенсивные контакты носителей амурских тунгусо-маньчжурских языков с южносибирскими тюрками, да еще и с явным преобладанием тунгусоязычного населения (без чего невозможны заимствования в такой “интимной” сфере лексики, как анатомическая терминология), выглядят совершенно нереальными. Впрочем, имеющиеся языковые данные “фактически исключают возможность того, что в бурных политических событиях в Присяянье и смежных областях Южной Сибири за последние две тысячи лет... активно участвовали..., например, тунгусо-маньчжуры” [Хелимский, с. 163]. Где же и когда могли осуществляться подобные контакты?

Характер тюркско-уральских контактов во многом остается неясным, и проводимые исследователями сопоставления соответствующих языковых данных нередко вызывают сомнения. Даже если бы сопоставляемые слова тюркских и уральских языков и могли быть истолкованы как заимствованные из одних языков в другие, то направление заимствования при этом нуждается в уточнении [Татаринцев, №2, с. 83–94].

В частности, общность лексики тюркских и самодийских языков, помимо общих для них элементов, заимствованных из третьих языков, складывается в большинстве своем за счет тюркских заимствований в самодийских, но не наоборот. К числу таковых, скорее всего, относятся и единичные случаи, трактуемые А.В. Дыбо как предполагаемые заимствования из самодийских языков в тюркской лексике.

Так, в тюрк. (с.-вост.) *jilke* ~ *читке* 'затылок, загривок' (а также 'шейные сухожилия; шейная связка' и т.п.) ей, как указывалось, видится возможное заимствование из протосамодийского **nitka*, рефлексом которого А.В. Дыбо считает моторское *nitkide* 'затылок'. Вместе с тем, здесь же приводится мнение Е.А. Хелимского, видящего в этом слове новое обратное заимствование из тюркских [Дыбо, 1989, с. 212].

Итак, в основной части уральско-тюркских параллелей из публикаций А.В. Дыбо мы склонны видеть, скорее, проявление случайного сходства гетерогенных слов, не исключая при этом, правда, возможности в каких-то случаях результатов контактного развития, что эпизодически допускает и наш оппонент [Дыбо, 1989, с. 212].

ЛИТЕРАТУРА

- Дыбо, 1989 *Дыбо А.В.* Заимствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Часть первая, М., 1989.
- Дыбо, 1996 *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Кормушин *Кормушин И.В.* Актуальные проблемы алтаистики // СТ, 1987, № 6.
- Рассадин *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- Старостин *Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- Татаринцев *Татаринцев Б.И.* Заимствования или исконная лексика? (К проблеме древних слов иноязычного происхождения в тюркских языках) // ВЯ, 1993, №№ 1, 2.
- Хелимский *Хелимский Е.А.* К истории этноязыковой ситуации в центре Азии: данные моторско-тайгинско-карагасского языка // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Часть I. М., 1989.
- Щербак *Щербак А.М.* Проблема ротацизма и перспективы дальнейшего изучения тюрко-монгольских языков связей // СТ, 1987, № 3.
- ЭСТЯ I *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- ЭСТЯ II *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978.

-
- ЭСТЯ IV Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”. М., 1989.
- ЭСТЯ V Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские лексические основы на буквы “К”, “Қ”, “Й”. М., 1997.